

I. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Человек, который сделал Машину Времени — тот человек, которого я буду называть Путешественником по Времени, — уже несколько лет был хорошо известен в научных кругах, и факт его исчезновения тоже хорошо известен. Он был математиком, обладавшим необыкновенно утонченным умом, а также принадлежал к числу самых видных исследователей в области молекулярной физики. Он не ограничивался абстрактной наукой. Ему принадлежало несколько остроумных изобретений, а один-два патента приносили хорошие деньги — даже очень хорошие, о чем свидетельствовал его прекрасный дом в Ричмонде. Однако для тех, кто входил в круг самых близких друзей этого человека, его научные исследования не шли ни в какое сравнение с его ораторским даром. В послеобеденные часы он становился ярким и разносторонним рассказчиком, и порой его фантастические, зачастую парадоксальные идеи следовали одна за другой с такой частотой, что сливались в одну продолжительную и насыщенную лекцию. В эти минуты не было человека, более далекого от популярного образа ученого-исследователя, чем он. Его щеки пылали, глаза искрились, и чем необычнее были идеи, теснившиеся в его голове, тем удачнее и оживленнее становился рассказ.

До самого последнего времени в его доме проходили своего рода неформальные собрания, которые я имел честь посещать и где я в разные периоды повстречал большинство наиболее достойных представителей нашей литературы и науки. В семь часов вечера начинался

обычный ужин. После этого мы переходили в соседнюю комнату, где были расставлены мягкие кресла и маленькие столики, и там, предаваясь возлияниям алкоголя и выпуская клубы дыма из трубок, мы вели беседы, а Бог был нам судьей. Поначалу разговор ничем не отличался от обычной отрывочной болтовни, перемежаемой короткими лакунами пищеварительного молчания, но к девяти или половине десятого, если Бог был настроен благосклонно, какая-нибудь особенная тема одерживала верх над прочими по принципу естественного отбора и становилась предметом общего интереса. Так было, помнится, и в последний четверг, а наиболее сильно проявилось в тот четверг, когда я впервые услышал о Машине Времени.

Меня зажали в угол вместе с одним джентльменом, которого я буду называть вымышленным именем Филби. Он весьма пренебрежительно отзывался о Мильтоне — надо сказать, что к стишкам самого бедняги Филби публика относится самым шокирующим образом: она их просто не замечает. Поскольку мне в голову не приходило ничего, кроме мысли о гигантской дистанции, отделяющей Филби от того человека, которого он критиковал, а обсуждать это мне мешала чрезвычайная застенчивость, наступление перелома в беседе — того момента, когда разрозненная болтовня переплавляется в единую тему и несколько частных разговоров сливаются в общую дискуссию, — принесло мне огромное облегчение.

— Глупость? О какой глупости вы говорите? — спросил известный Врач, обращаясь поверх Филби к Психологу.

— Он полагает, — сказал Психолог, — что время — это всего лишь род пространства.

— Я не полагаю, — возразил Путешественник по Времени. — Я знаю.

— Пустозвонство, — произнес Филби, все еще продолжая тянуть волынку о своих литературных невзгодах, однако я уже несколько отодвинулся от него и изобразил на лице живейший интерес к проблеме пространства и времени.

— Кант... — начал Психолог.

— К черту Канта! — выкрикнул Путешественник по Времени. — Говорю вам, что я прав. У меня есть экспериментальные доказательства. Я не метафизик.

Он обращался к Врачу, сидевшему в другом конце комнаты, так что вся компания оказалась вовлеченной в разговор.

— Это самая многообещающая идея в экспериментальной науке, какую только можно себе представить. Она просто революционизирует жизнь общества. Бог знает, какой станет наша жизнь, когда я закончу эту штуку.

— Если только речь не идет об эликсире бессмертия, я не возражаю, — заявил distinguished Врач. — Так что же это?

— Всего-навсего парадокс, — сказал Психолог.

Путешественник по Времени ничего не ответил. Он улыбнулся и принялся выбивать трубку о каминную решетку. Это был неизменный признак приближающейся лекции.

— Вы должны признать, что время — это пространственное измерение, — сказал Психолог, обращаясь к Врачу (невозмутимость Путешественника придала ему храбрости), — и тогда с неизбежностью посыплются всякого рода замечательные следствия. Среди прочего станет возможным путешествие по времени.

— Вы забываете, что я собираюсь доказать это экспериментально, — сказал, посмеиваясь, Путешественник по Времени.

— Ну так ставьте этот ваш эксперимент! — воскликнул Психолог.

— Сначала, я думаю, мы выслушаем аргументы, — вступил в беседу Филби.

— Они таковы, — сказал Путешественник по Времени. — Я предлагаю абсолютно новый взгляд на вещи, основанный на том допущении, что обычное человеческое восприятие — это просто-напросто галлюцинация. Прошу прощения, что мне придется привлечь такие понятия, как предопределение и свобода воли, но, боюсь, без них нам не обойтись. Посмотрите на вещи вот с какой стороны... да, пожалуй, в этом самая суть: предположим, вам с точностью известны положение и свойства каждой частицы вещества, всего сущего во Вселенной в каждый конкретный период времени; предположим, таким образом, что вы всеведущи. Тогда ваше знание будет включать в себя

и знание того состояния, в котором все сущее пребывало мгновение назад, и за мгновение до этого, и так далее. Если вам досконально известно настоящее, если вы постигли его в полной мере, то в той же мере вы сможете постичь и прошлое. Если вы охватили разумом все законы природы, то настоящее для вас — не что иное, как полная и живая запись прошлого. Подобным же образом, если вы охватили все настоящее, если вы постигли все его тенденции и законы, вы ясно увидите будущее. Для всеведущего наблюдателя нет забытого прошлого — нет ни единого кусочка времени, который выпал бы из общей картины, — и в равной степени для него нет пустого, незаполненного будущего, нет вещей, которые еще только предстояло бы выявить. Постигнув все настоящее, всеведущий наблюдатель в ту же секунду постиг бы все прошлое и все неминуемое будущее. В сущности, прошлое, настоящее и будущее не имели бы для такого наблюдателя никакого значения — в любой момент он охватывал бы разумом все времена сразу. Иными словами, он увидел бы, что все пространство и время заполнены Жесткой Вселенной — Вселенной, всегда состоящей из одних и тех же вещей. Он увидел бы одну-единственную, никогда не меняющуюся серию причин и следствий, все ту же серию — и сегодня, и завтра, и во все времена. Если «прошлое» и имело бы для него какое-нибудь значение, то только одно — это значило бы, что он смотрит в одном направлении, тогда как «будущее» означало бы противоположное направление взгляда.

— Хм, — сказал Приходский Священник, — пожалуй, вы правы. Пока.

— Я знаю, что я прав, — откликнулся Путешественник по Времени. — С точки зрения абсолютного знания Вселенная — это предельно жесткий, неизменяемый механизм. Полностью предопределенный и полностью законченный. Теперь, если мы, насколько в наших силах, воспримем этот взгляд на вещи, что мы сможем сказать вот об этом ящике? Он по-прежнему останется для нас предметом определенной длины, ширины и высоты, предметом с определенной массой, но в то же время для нас будет очевидно, что он простирается во времени назад — до того момента, когда он был сделан, — и вперед, до того момента, когда его

уничтожат, и что в течение всего периода существования его перемещали в пространстве. Если бы обыкновенного человека попросили описать этот предмет, он сказал бы, среди прочего, что ящик стоит в определенном месте и что его длина, скажем, десять дюймов, ширина — три, а высота — четыре. С точки зрения абсолютного знания следовало бы добавить, что ящик возник в такой-то момент, существует до сих пор, его общая временная протяженность такая-то и что в течение срока существования ящика его передвигали туда и сюда. Только в том случае, если вы определили прошлое и будущее ящика, можно сказать, что вы описали его полностью. Теперь вы видите, что с точки зрения абсолютного знания, а это и есть истинно научная точка зрения, время — это всего-навсего измерение, совершенно аналогичное трем измерениям пространства. Каждая частица вещества обладает длиной, шириной, высотой и — продолжительностью существования.

— Вы совершенно правы, — сказал Приходский Священник. — Теологи твердят об этом с незапамятных времен.

— Прошу прощения, — вмешался Психолог, — ничего подобного. Наше первое впечатление в жизни, сама основа нашего духовного существования — это упорядоченность времени. Меня поддерживают в этом такие...

— Должен вам сказать, что психология вряд ли поможет нам в этом вопросе, — перебил его Путешественник по Времени. — Сознание человека не отражает состояния Вселенной — да и вправе ли мы ожидать от него этого? — оно отражает лишь наши потребности. С моей точки зрения, человеческое сознание — это нечто нематериальное, что валится сквозь четырехмерную Жесткую Вселенную в направлении из прошлого — из того, что мы называем «прошлым», — в будущее, точнее, в то, что мы именуем «будущим». Точно так же Солнце — это нечто материальное, что валится сквозь ту же Вселенную в направлении созвездия Геркулеса.

— Все это довольно темная материя, — шепнул мне Филби.

— Я, кажется, начинаю вас понимать, — сказал Врач. — И вы идете дальше. Вы спрашиваете себя, почему это мы должны продолжать движение в одном конкретном